

Сергеев С.А¹, д-р.полит.наук
confliktolog@mail.ru

Кузнецова А.В.^{1,2}
confliktolog@mail.ru

¹Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
Казань, Россия,

²Университет Манитобы,
Виннипег, Канада

DOI: 10.24153/ 2079-5912-2017-8-1-74-79

РОЛЬ НАЦИОНАЛИЗМА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ОТ СОВРЕМЕННОСТИ К ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)*

Аннотация: В статье на примере шести стран (Франция, США, Германия, Мексика, Россия, Ирландия) рассматривается сложная взаимосвязь между революцией и национализмом, прошедшая, по мнению автора, три этапа: первоначальное единство (конец XVIII – первая половина XIX вв.), разрыв и появление революционного интернационализма и охранительного национализма (вторая половина XIX – начало XX вв.), попытки синтеза (XX – начало XXI вв.).

Ключевые слова: революция, национализм, национал-революционеры.

Если термин «нация» достаточно стар и восходит к западноевропейскому средневековью, то понятие «национализм» возникло уже в Новое время: Л. Гринфилд относит его появление к XVI в. и связывает с тем процессом глубокой социальной трансформации английского общества, который в XVII в. привел к революции [6], Б. Андерсон и Э. Кедури – к началу XIX в., времени движений за независимость в Латинской Америке [3] и расцвета немецкого романтизма [8]. Эти две вехи – XVI и начало XIX вв. – обозначают нижнюю и верхнюю границы возникновения национализма как политической практики и идеологии в современном исследовательском дискурсе. И даже те исследователи, что усматривают истоки современных наций в глубокой древности, совершенно недвусмысленно относят появление национализма к эпохе модерна: «национализм – это современное движение и идеология, которое возникло во второй половине восемнадцатого века в Западной Европе и Америке» [16].

Несмотря на попытки обнаружить революции в древнем мире или в Европе позднего средневековья, первой современной революцией считается, как правило, английская революция 1640-1660 гг. [12]. Характерными чертами классических революций XVIII – XX вв. обычно признается их насильственный характер, широкое участие масс и преобразование институтов власти [5], проводящие к далеко идущим изменениям во всех сферах жизни и радикальному разрыву с прошлым [18].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль национализма в революционном процессе (сравнительный анализ)», грант № 15-03-00223.

Одновременность появления национализма и революции не может наводить на мысль об их взаимосвязи. Ряд исследователей [7; 17] отмечали это обстоятельство, но лишь вскользь, то ли не придавая ей значения, то ли считая ее чем-то само собой разумеющимся.

Между тем исследование характера взаимосвязи революции и национализма позволяет сделать нетривиальные выводы: взаимосвязь эта существовала и существует, но не была однозначной и линейной. По мере разворачивания исторического процесса революция и национализм то сходились, то расходились, подобно партнерам в традиционном ирландском танце кейли. В первом («туре») (XVIII – первая половина XIX вв.) национализм и революция были тесно связаны и определяли развитие друг друга. Их взаимоотношения в этот период лучше всего рассмотреть на примере двух кейсов: **Франции** и **США**.

На формирование французского национализма в предреволюционную эпоху значительное влияние оказали идеи Ж.-Ж. Руссо. Более того, М. Кводруп склонен рассматривать Ж.-Ж. Руссо как «отца» современной доктрины гражданского национализма, не без оснований видя ее истоки в рассуждениях Руссо о важности гражданской религии [20].

Одновременно с Руссо, но по другую сторону Атлантического океана, над сходными проблемами размышляли американские радикальные памфлетисты. По мнению Б. Бейлина, идеологи американской революции синтезировали несколько предшествующих традиций: идейное наследие пуританизма способствовало формированию представления об американцах как «избранной нации», имеющее особое предназначение, а философия Просвещения укрепляла решимость свергнуть деспотическое правление, если оно не соблюдает права подданных [4].

Французская революция породила феномен якобинизма и якобинского национализма, отмеченный уже в одной из первых классификаций национализма К. Хайеса. По Хайесу, якобинский национализм характеризуется нетерпимостью к инакомыслию, склонностью к применению силы как внутри страны, так и вовне, патриотизмом, доходящим до фанатизма, и представлением о необходимости гражданина быть преданным своему национальному государству [19]. Более того, в якобинском национализме было соб-

ственное представление о национальной миссии – свержение старых режимов и установление республик по всей Европе. Примером тому может служить возникновение и развитие итальянского национализма. Дж. Мадзини, основатель «Молодой Италии», был и националистом, сторонником объединения Италии, и революционером.

Ситуация стала меняться в середине XIX в. Поворотным моментом стала волна революций 1848-1849 гг., в результате которой была свергнута монархия во Франции, ограничены монархии в ряде германских и итальянских государств, а также в Дании, Венгрии и Румынии. Но именно тогда отношения национализма и революции начали меняться. Умеренные либеральные силы стали отказываться от революционных методов и переходить в лагерь консерваторов уже на ранних стадиях национальной борьбы или вовсе не участвовать в революциях. На авансцену истории вышел рабочий класс. Наступил **второй этап** во взаимоотношениях революции и национализма: они расходятся и начинают противостоять друг другу.

«Перехват» националистической программы осуществил в 1860-е гг. О. Бисмарк, изначально считавший германскую национальную идею никчемной и вредной, но впоследствии решившим, что для окончательной победы над революцией ее необходимо возглавить. Разрыв с революцией порождает новый феномен – консервативный или охранительный национализм, имеющий антиреволюционный и во многом антипросветительский характер. Таким образом, взаимосвязь национализма и революции на этапе формирования «охранительного национализма» сохраняется, но приобретает антагонистический характер [9].

Революционный же лагерь еще раньше осуществил «развод» революции и национализма. К. Маркс сформулировал свое отношение к национальным государством в знаменитой фразе из «Манифеста Коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества» [13]. Если представить революционный национализм конца XVIII – XIX вв. (от Ж.-Ж. Руссо до Дж. Мадзини) как тезис, то охранительный национализм – это антитезис.

Взаимосвязь национализма и революции на этапе формирования «официальных национализмов» приобретает антагонистический характер. Охранительный

и антиреволюционный характер с самого начала приобретает «официальный национализм» в Российской империи. Охранительный характер приобрел и французский национализм. В конце XIX в. несколько правых активистов основали «Комитет французского действия» (впоследствии ставший движением «Французское действие» - «Action française»), целью которого было провозглашено «восстановление идеи родины и непрерывности наших традиций», для чего предполагалась реставрация монархии [14].

Кульминацией расхождения революции и национализма стали российская революция 1917 г. и Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, имевшие ярко выраженный интернационалистский характер. Заключение Брестского мира имело своим следствием то, что российской революции «пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом» [11], причем линия раздела пролегла внутри революционных партий. Реакцией на Ноябрьскую революцию стала легенда об «ударе ножом в спину», обвинявшая в поражении в первой мировой войне левые партии.

Однако в странах «периферийного капитализма» и в конце XIX – начале XX вв. продолжали существовать революционные националистические движения. Таков мексиканский национализм. Его истоки уходят корнями в войну за независимость от Испании 1810-1821 гг., но революционный накал сохранялся на протяжении всего XIX в., пока не вылился в революцию 1910-1917 гг. Самым важным внутренним стимулом к сохранению революционности национализма было социальное недовольство индейских общин. Наиболее ярким представителем индейского национализма, объединившим его с идеей революции, стал Э. Сапата. И, хотя революционные преобразования в целом завершились к 1928 г., индейский национализм в Мексике, как и в других странах Латинской Америки, продолжает сохранять свой революционный характер.

Другое исключение – это Ирландия. Парадокс ирландского национализма заключается в том, что он всегда был революционен, несмотря на то, что в ирландском обществе в целом господствовали консервативные традиции. Истоки революционности ирландского национализма тесно связаны с общеевропейскими традициями первого этапа совместного развития этих феноменов. Но если национальное движение

в Европе во второй половине XIX в. отказалось от революционной борьбы, в Ирландии она, напротив, усилилась, и ирландский же национализм совмещал революционность с ностальгией по романтизированному прошлому [10].

В 1920-е гг. наступил **третий этап** во взаимоотношениях революции и национализма, характеризующийся разнообразными и многочисленными попытками синтеза националистических и революционных идей.

Одним из вариантов подобного синтеза было течение «консервативной революции», или «революции справа» в Германии 1920-х – 1930-х гг. (А. Меллер ван ден Брук, Э. Юнгер и др.). Такие идеи, как неприязнь к эпохе Просвещения и либерализму, свойственные «охранительному» или консервативному национализму, у адептов «консервативной революции» радикализировались, доходя до отрицания модерна в целом, и сочетались с революционными методами их осуществления (апелляция к массам) [2]. Освоив терминологию своих противников, «консервативные революционеры» вновь объединили национализм и революцию.

Параллельно попытки соединения «красной», большевистской идеи, и идеи национальной (которые можно охарактеризовать как «национал-большевизм») предпринимались и в Советской России. Проявления национал-большевизма М. Агурский видел как в литературной среде Советской России (С. Есенин, Н. Клюев), среди эмигрантских публицистов («сменовеховство»), так и в самой РКП (б) («красный патриотизм») [1].

Послевоенная эпоха дала целый ряд новых примеров синтеза национализма и революции, осуществленных главным образом национально-освободительными движениями Латинской Америки, Азии и Африки: от революционеров из Фронта национального освобождения Алжира и китайских коммунистов, руководствовавшихся «китаизированным марксизмом», до вооруженных коммунистических (преимущественно маоистских) повстанческих групп в Индии, опирающихся на этнические меньшинства (наксалиты) и боливийского «Движения к социализму» Э. Моралеса.

Ярким примером национально-революционного движения ситуации постмодерна является Сапатистская армия национального освобождения (САНО), в 1990-е – 2000-е гг. действовавшая в Мексике (штат Чьяпас). Объединение марксистских идей с традиционными воззрениями индейцев майя позволило сформировать новый для Мексики вид революционного национализма, оказавшийся весьма жизнеспособным. Один из военных и идеологических лидеров САНО – субкоманданте Маркос – творчески переработал мифологию и мировоззрение индейцев, став при этом одним из лидеров всемирного антиглобалистского движения. Сапатисты апроприировали фундаментальные символы мексиканской революции, связывая своё восстание с участием населения Чьяпаса в революции 1910 г.

В Западной Европе политические группы, идеология (а порой и практика) которых предполагают синтез революционных и националистических идей, находятся сегодня скорее в маргинальном положении.

С 1954 г. в Северной Ирландии возобновила свою деятельность Ирландская республиканская армия (ИРА), продолжив тем самым революционную традицию ирландского национализма. В самой же Ирландии происходит постепенное угасание национализма, в связи с чем можно говорить о «вытеснении революции на север». В 1960-е гг. ИРА распалась на ряд групп, использовавших методы партизанской войны; некоторые из них (в частности, «официальная» ИРА) склонялись к марксизму. Но в 1990-е – 2000-е гг. одна группа ирландских националистов за другой отказываются от революционной риторики, предпочтя ей более импонирующую избирателю умеренную респектабельность [10]. К настоящему времени революционность в Ирландии стала уделом маргинальных политических групп.

Во Франции идеи «*Action française*» в 1970-е - 1980-е гг., были частично, в смягченном виде, восприняты партией «Национальный фронт», делающей акцент на сохранение французской национальной идентичности и активно использующей антимигрантскую и антиисламскую риторику. Но если «*Action française*» позиционировало себя как реставрационное и антиреволюционное движение, «Национальный фронт» (возможно, не без влияния идей «консервативной революции») ви-

дит свою миссию в совершении «второй французской революции», целью которой является установление «Шестой республики» авторитарного типа.

В современной России первые национал-революционные организации возникли в 1992 – 1993 гг. Их появление связано с комплексом политических и социальных проблем, обрушившихся на Россию в начале 1990-х гг.: шок от распада СССР, уменьшение международного влияния России, падение уровня жизни и рост социального расслоения. На формирование идеологии этих организаций немалое воздействие оказало движение «консервативной революции» [15]. В настоящее время среди российских национал-революционеров выделяются несколько направлений: а) национал-большевики; б) национал-социалисты, сторонники «белой» (расовой) революции; в) национал-анархисты; г) национал-солидаристы – сторонники традиционализма и «консервативной революции»; д) национал-демократы, сторонники создания русской политической нации и этнодемократии. Ни одно из этих направлений не смогло создать массовую политическую организацию, и все они без исключения имеют маргинальный характер.

Таким образом, взаимоотношения таких сложных социально-политических феноменов, как национализм и революция, за последние 200-250 лет претерпели сложную нелинейную эволюцию, напоминающее гегелевское «отрицание отрицания»: от единства и взаимообусловленности, характерной для периода конца XVIII – первой половины XIX вв., они перешли к антагонизму, а затем вновь соединились, породив множество форм, от вполне (или почти) респектабельных до близких фашизму. При этом в странах «периферийного капитализма», где сохранялось, наряду с социальным, национальное (этническое) угнетение, национализм и революция могли не разъединяться, будучи воплощены в национально-освободительных движениях. В странах Западной Европы и России национал-революционеры представлены в основном маргинальными течениями и группами. Но идеологическими и организационными процессами, которые протекают в подобных группах, тем не менее не следует пренебрегать: они могут сигнализировать об общественных проблемах, до определенного момента остающихся скрытыми, и дать неожиданные и сильные «выплески» в макрополитику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. С. 31-37, 69-94, 145-156.
2. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х гг. (проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С.98-99.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С.71, 89.
4. Бейлин Б. Идеологические истоки американской революции. М.: Новое изд-во, 2010. С. 32-34.
5. Голдстоун Д. Революции: очень краткое введение. М: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С.14.
6. Гринфилд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ. 2012. С. 18.
7. Калхун К. Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С.62-64.
8. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. С. 21, 68-70.
9. Кузнецова А.В. Национализм и революция как взаимообуславливающие политические феномены в эпоху европейских революций 1789 – 1871 гг. // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т.17. № 20. С. 404-407.
10. Кузнецова А.В. Национализм и революция: случай Ирландии // Вестник Пермского Университета. Серия «Политология». 2015. № 3. С. 51-65.
11. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т.37. М.: Политиздат, 1969. С. 190.
12. Малиа М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. С.17.
13. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 444.
14. Молодяков В. «Это люди короля, мама!»: «штурмовые отряды» французского монархизма. URL: <http://gefter.ru/archive/17444> (дата обращения 31.10. 2016)
15. Сергеев С.А. Русский оппозиционный внепарламентский национализм: все цвета спектра? // The Soviet and Post-Soviet Review. 2015. Т. 42. № 3. С. 321-351.
16. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С.19.
17. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. С.32-36.
18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект пресс, 1999. С. 45.
19. Hayes C. The Historical Evolution of Modern Nationalism. N.Y.: Smith, 1931. PP. 52-83.
20. Qvortrup M. Political philosophy of Jean-Jacques Rousseau. The impossibility of Reason. Manchester & N.Y: Manchester UP, 2003. PP. 74-94.

Sergeev S.A.

Doctor of Political Sciences
konfliktolog@mail.ru

The Kazan national research technological university,
Russia, Kazan

Kuznetsova A.V.

konfliktolog@mail.ru

The Kazan national research technological university,
Russia, Kazan
University of Manitoba,
Canada, Winnipeg

**ROLE OF NATIONALISM IN REVOLUTIONARY PROCESSES: FROM THE MODERN TO THE POSTMODERN
(COMPARATIVE ANALYSIS)**

In article on the example of six countries (France, USA, Germany, Mexico, Russia, Ireland) is considered complex interrelation between revolution and nationalism, which passed three stages: initial unity (the end of XVIII – the first half of the 19th centuries), a gap and emergence of revolutionary internationalism and guarding nationalism (the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries), synthesis attempts (XX – the beginning of the 21st centuries).

Keywords: revolution, nationalism, national revolutionary.

Literature:

1. Agurskij M. Ideologiya nacional-bol'shevizma. M.: Algoritm, 2003. S. 31-37, 69-94, 145-156.
2. Allenov S.G. «Konservativnaya revolyuciya» v Germanii 1920-x – nachala 1930-x gg. (problemy interpretacii) // Polis. 2003. № 4. S.98-99.
3. Anderson B. Vobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokax i rasprostranении nacionalizma. M.: «Kanonpress-C», «Kuchkovo pole», 2001. S.71, 89.
4. Bejlin B. Ideologicheskie istoki amerikanskoj revolyucii. M.: Novoe izd-vo, 2010. S. 32-34.
5. Goldstoun D. Revolyucii: ochen' kratkoe vvedenie. M: Izd-vo In-ta Gaj-dara, 2015. S.14.
6. Grinfeld L. Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti. M.: PER SE!. 2012. S. 18.
7. Kalxun K. Nacionalizm. M.: Izd. dom «Territoriya budushhego», 2006. S.62-64.
8. Keduri E'. Nacionalizm. SPb.: Aletejya, 2010. S. 21, 68-70.
9. Kuznetsova A.V. Nacionalizm i revolyuciya kak vzaimoobuslavlivayushhie politicheskie fenomeny v e'poxu evropejskix revolyucij 1789 – 1871 gg. // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2014. T.17. № 20. S. 404-407.
10. Kuznetsova A.V. Nacionalizm i revolyuciya: sluchaj Irlandii // Vest-nik Permskogo Universiteta. Seriya «Politologiya». 2015. № 3. S. 51-65.
11. Lenin V.I. Cennye priznaniya Pitirima Sorokina // V.I. Lenin. Poln. sobr. soch., T.37. M.: Politizdat, 1969. S. 190.
12. Malia M. Lokomotivy istorii. Revolyucii i stanovlenie sovremen-nogo mira. M.: ROSSPE'N, 2015. S.17.
13. Marks K. Manifest Kommunisticheskoy partii / K. Marks, F. E'ngel's. Soch. 2-e izd. T.4. M.: Gospolizdat, 1955. S. 444.
14. Molodyakov V. «E'to lyudi korolya, mama!»: «shturmovye otryady» fran-cuzskogo monarxizma. URL: <http://gefter.ru/archive/17444> (data obrashheniya 31.10. 2016)
15. Sergeev S.A. Russkij oppozicionnyj vneparlamentskij nacionalizm: vse cveta spektra? // The Soviet and Post-Soviet Review. 2015. T. 42. № 3. S. 321-351.
16. Smit E'. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyx teorij nacij i nacionalizma. M.: Praxis, 2004. S.19.
17. Xobsbaum E'. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. SPb.: Aletejya, 1998. S.32-36.
18. E'zenshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M.: Aspekt press, 1999. S.45.
19. Hayes C. The Historical Evolution of Modern Nationalism. N.Y.: Smith, 1931. RP. 52-83.
20. Qvortrup M. Political philosophy of Jean-Jacques Rousseau. The impossibility of Reason. Manchester & N.Y: Manchester UP, 2003. PP. 74-94.